

Влада Кемпель

КУКЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влада Кемпель

Кукла

«Автор»

2026

Кемпель В.

Кукла / В. Кемпель — «Автор», 2026

Она всего лишь одна из многих девушек, чья участь быть проданной на закрытом аукционе. Но в ночь торгов всё идёт не по плану. Её покупает таинственный итальянец Рафаэль де Сильва. Он вывозит её в свой особняк, но не прикасается к ней. Вырвавшись из одной клетки, она оказывается в другой. Только здесь решётки невидимы, а цепи сделаны из шёлка. Когда Лилиан просит найти её родителей, Рафаэль соглашается, но смотрит на неё так, будто знает больше, чем говорит. Когда она предлагает сыграть роль его невесты перед отцом, он вплетает в их фальшивую историю такие детали, что грань между игрой и реальностью стирается. За кулисами скрываются скелеты. Лилиан начинает подозревать, что её роль в этой истории далеко не случайна. Когда Рафаэль бросает вызов отцу и объявляет войну всей системе, Лилиан оказывается в центре смертельной игры. На кону — не только её свобода, но и правда о том, кем она была до того, как стала лотом на аукционе.

© Кемпель В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Лот без номера"	5
Глава 2 "Любопытство убило кошку"	11
Глава 3 "Выбор без выбора"	18
Глава 4 "Голод"	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Влада Кемпель

Кукла

Глава 1 "Лот без номера"

Гулкий стук в висках. Звон в ушах. Учащенное сердцебиение. От страха? Нет, от чего-то другого. Что-то не так. Мне будто не хватает воздуха. Ноги онемели от напряжения, но я не смела пошевелиться. Нельзя.

Я стояла на подиуме, застывшая, как фарфоровая кукла. Холодный свет прожекторов выделял меня из полумрака, обнажая каждую деталь. Изящные изгибы тела, подчеркнутые облегающим платьем жемчужно-белого цвета. Мягкие волны волос с оттенком спелой пшеницы. Безупречный макияж, скрывающий болезненную прозрачность кожи. Я была товаром. Дорогой безделушкой, выставленной напоказ для особенных покупателей.

Смотрите, восхищайтесь, но не трогайте. Пока не заплатите.

Сквозь ослепляющий свет перед глазами плыли размытые силуэты. Мужчины в идеальных костюмах, с холеными руками и лоснящимися лицами, вели светские разговоры, лениво потягивая шампанское. Между ними, как механические марионетки, скользили официанты – бесшумные, с отточенными до миллиметра движениями. Наклон головы ровно на тридцать градусов. Дистанция от гостей не ближе двух метров. Выдрессированные делать всё идеально, как и подобает на таком мероприятии.

Один замер рядом, намеренно заслонив меня от прожекторов. В его глазах читалось не просто сочувствие, а понимание. Именно это и злило сильнее всего. Он знал. Все они знали, что здесь происходит, но продолжали играть свои роли.

Я резко качнула головой, совсем короткое движение. Но он понял. Должен был понять. Ему стоило исчезнуть прежде, чем кто-то заметит этот немой диалог.

Когда его тень растворилась в зале, я впервые различила музыку. Сверху, с хоров, невидимый струнный квартет играл Вивальди. Легкие, изящные нотки, которые должны были создавать атмосферу утонченности. Но почему-то в моих ушах они звучали фальшиво, будто скрипки специально настраивали на полтона ниже, подчеркивая лицемерие происходящего.

Как странно. Я представляла, что буду кричать и бороться. А теперь просто стою на месте, как овечка перед закланием.

По незримому сигналу гости начали рассаживаться по изысканным бархатным креслам алого цвета. Их движения были размеренными, исполненными той показной неспешности, которая свойственна людям, никогда не знавшим счета времени. Ведь время всегда принадлежало им.

Официанты же замерли вдоль стен. Руки за спиной, глаза в пол. Они походили на живые статуи, призванные быть невидимками, создавая ощущение, что в зале никого больше нет, кроме избранных гостей и их будущих игрушек.

Когда последний гость опустился в кресло, струнный квартет оборвал мелодию на пронзительно высокой ноте.

Двойные двери в глубине зала распахнулись, и в проеме возник силуэт Пьера Вайта. Сначала лишь контур: высокий, узкий, в безупречном белом пиджаке, который слепил под лучами внезапно наведённых на него прожекторов. Он остановился на секунду, давая свету окутать себя, словно святому видению.

Потом шагнул вперед. Каблуки отстукивали ритм по мрамору, слишком громкий для этой тишины. Каждый шаг был отмерен, выверен, как хореография давно отрететированного спектакля.

Он улыбался. Но глаза оставались холодными, в них читался лишь расчет, который не мог скрыть даже многолетний опыт игры в доброго покровителя.

Его пальцы, унизанные массивными перстнями с драгоценными камнями, нервно постукивали по бедру – единственное, что выдавало напряжение за маской безупречного спокойствия.

В груди знакомо заныло. Странная смесь отвращения, животного страха, сдобренная остатками детского благоговения. Даже теперь, зная всю подноготную системы, я не могла вытравить из себя этот трепет. Когда-то я верила в Пьера. Верила в то, что он делает доброе дело. Восхищалась его уверенностью. Замирала от ужаса при гнев. Расцветала от редких слов одобрения. Он казался мне кем-то недосягаемым, почти священным.

Этот человек держал в своих руках судьбы десятков девушек, включая мою собственную. Академия искусств и этикета мистера Вайта предоставляет дом, образование, воспитание для юных особ. Дьявольская насмешка. Каждая теплая ночь, каждый кусок хлеба, каждый урок – все это оказалось не подарком, а долговой распиской. И рассчитаться придется сполна.

Мы были живым капиталом, а эти аукционы – финальной стадией окупаемости инвестиций, где нас преподносили как эксклюзивную привилегию для избранных. Аукцион проводится раз в несколько лет, и каждый выпуск – это девушки от восемнадцати до двадцати одного года. Мне исполнилось девятнадцать лет прошлой зимой.

С ранних лет нас воспитывали по единому шаблону – послушные, умеющие молчать, безупречные. Пьер получал свои деньги, покупатели – подтверждение собственного превосходства и исключительности.

Тем, кто не подходил на роль кукол, доставались иные роли. Кто-то, более послушный, оставался работать в доме Пьера. Иных, кто позволял себе инакомыслие, отправляли на перевоспитание. Так нам говорили. Ходило множество ужасных слухов, но никто не возвращался, чтобы рассказать правду – куда их отправляли на самом деле. Это заставляло всех нас держаться в страхе. Никто не хотел угодить в более кошмарное место. Неизвестность пугает сильнее всего.

Наконец Пьер достиг небольшого возвышения в центре зала – круглой площадки из черного мрамора. Повернулся к гостям, плавно поднял руку в приветственном жесте.

– Добрый вечер, уважаемые ценители прекрасного, – его голос струился, как дорогое вино. – Сегодняшний вечер – это не просто аукцион! Это... священнодействие. Ибо что есть истинная роскошь? – он сделал вид, будто ожидает ответов, будто его действительно интересует мнение гостей, но тут же продолжил. – Это не безделушки, не яхты... а совершенство, взращённое годами. И сегодня я предлагаю вам не товар, а произведения искусства из плоти и крови!

Он плавно обвел зал взглядом, позволяя своим словам осесть в сознании присутствующих.

– Помните, господа: вы приобретаете не просто красоту, а многолетний труд моих лучших наставников академии моего скромного имени. Каждый жест, каждый вздох, каждая слеза этих созданий – результат кропотливой работы. И позвольте мне заверить вас, что каждый экземпляр прошел полное медицинское обследование. Генетический паспорт, абсолютная чистота крови, – он сделал паузу, наслаждаясь возникшим напряжением. – Вы получаете не просто украшение, а безупречный биологический материал.

В зале пробежал одобрителный шепот. Кто-то даже восторженно хлопнул в ладоши.

Я не дрожала. Не сжимала кулаки. Просто на мгновение перестала дышать, будто меня окунули в ледяную воду.

Материал. Как мебель. Как скот.

– Все необходимые документы подготовлены. Трудовые контракты уже готовы, осталось лишь внести ваши имена в качестве нанимателей, – губы Пьера искривились в усмешке. – Все

абсолютно легально! Мы ведь не варвары, господа. Платежи оформляются как благотворительные взносы в фонд развития нашей Академии, – пальцы Пьера изящно нарисовали в воздухе кавычки. – С полным налоговым вычетом, разумеется. Ваша щедрость будет вознаграждена вдвойне: и прекрасным приобретением, и безупречной репутацией мецената.

Пьер провел ладонью по лацкану пиджака, смахивая несуществующую пыль.

– Понимаю, вам уже не терпится начать! Коротко напомню правила: минимальный шаг – пятьсот тысяч. Один лот – одному владельцу. Торжественно объявляю начало аукциона, господа!

Прожекторы, до этого заливавшие зал холодным светом, внезапно погасли. Я на мгновение оказалась в полной темноте. Странно освобождающее чувство, будто меня перестали видеть. Но иллюзия длилась недолго.

Резкий луч света ударил слева, выхватывая из мрака первую девушку. Множество крохотных бусинок на ее платье засверкали, напоминая россыпь бриллиантов. Ее зовут Дженни, но Пьер назвал ее – первый лот. Мы лишь цифры. Какой номер достанется мне?

Я инстинктивно зажмурилась. Мой подиум пока оставался в тени, но я знала, что скоро очередь дойдет и до меня.

Мои губы шевелились сами по себе, беззвучно повторяя заученные слова.

Puritas. Obedientia. Elegantia.

Три слова, которые я ненавидела, но они въелись мне в подкорку с ранних лет. Стали моей мантрой. Я повторяла их снова и снова.

Желтые пятна от света все равно плясали перед глазами. Голос Пьера то накатывал волной, то отступал куда-то далеко, будто я находилась под водой.

– Десять миллионов! Продано!

Я видела, как Дженни подают руку, помогая ей спуститься с подиума. Как она улыбается. Как ее уводят куда-то, и она не сопротивляется этому, казалось, она даже рада принять свою судьбу.

Что со мной не так? Почему я вижу правду, а они нет? Они не боялись, ведь они верили в идеи Пьера. Почему я перестала в него верить? Мне было бы гораздо легче, будь я так же слепа. Но что-то во мне давно сломалось.

Происходящее вокруг перестало существовать для меня, больше напоминая картинку из сломанного телевизора. Какие-то звуки, вспышки света. Несколько подиумов уже опустело.

Ногти впивались в ладони, оставляя красные полумесяцы на бледной коже. Боль – острая, ясная, реальная – была моим последним якорем.

– Пятьдесят миллионов! Продано!

Где-то в зале ахнули. Прокатилась волна перешептываний. Я машинально подняла глаза. Сумма была неприлично огромной.

Пьер стоял за трибуной, суетливо перебирая бумаги дрожащими пальцами. Тыльной стороной ладони он вытер капли пота со лба. Лицо его приобрело странное выражение – смесь торжества и растерянности. Странно. Раньше мне не доводилось видеть его таким.

Я украдкой бросила взгляд на соседний подиум, где стояла Николь. Негласная королева нашего выпуска. Такую сумму могли заплатить разве что за нее. Она смотрела прямо на меня. Не через плечо, не свысока, а в упор. Будто впервые меня видела. Ее губы приоткрылись, брови поползли вверх. В глазах не злорадство, не зависть, а чистый шок.

Почему она так смотрит?

Мне хотелось спросить у нее вслух. Что-то не так? Ощущение тревоги и чего-то темного нарастало внутри. Когда до меня наконец дошло, Николь стояла в темноте, в очереди она следующая. Прожектор освещал меня.

Быть не может, это должно быть какая-то ошибка.

– Мистер Рафаэль де Сильва, – Пьер растягивал слова, придавая им сладкую ядовитость.
– Поздравляю вас с приобретением!

Обычно он двигался плавно и расчетливо. Но сейчас бросился через зал с неприличной поспешностью, нарушая собственные правила элегантности. Оказавшись рядом, его холодные и влажные пальцы вцепились в мой локоть, стаскивая с подиума. Я закачалась, едва удержав равновесие.

Запах коньяка и мятных леденцов ударил в нос, когда Пьер склонился, почти касаясь губами моего уха.

– Ну надо же, Лириан... Моя тихая мышка, моя серая пташка. Кто бы мог подумать, – его пальцы сдавили мою руку чуть сильнее. – Пятьдесят миллионов. Даже я не ожидал такого аппетита. Умница.

К горлу подкатил ком отвращения. Но еще более мерзкой была та теплая волна, что разлилась в груди. Мое тело, выдрессированное годами, реагировало раньше сознания. Губы растянулись в улыбке.

Где-то в самых потаенных уголках души все еще пряталась та маленькая Лили, которая верила, что если быть достаточно послушной, достаточно совершенной, то однажды он посмотрит на нее по-настоящему. Не как на вещь, а как на человека. Как на дочь. Эта девочка все еще цеплялась за иллюзию, что ее полюбят, если она будет стараться изо всех сил. Сейчас она ликовала, ведь он заметил. Он похвалил. Я ненавидела эту часть себя сильнее, чем самого Пьера.

Нет, нет, нет.

Тень упала между нами прежде, чем я услышала шаги. Он появился слишком бесшумно для человека его роста. Дорогой костюм, сидящий на нем слишком безупречно. Оливковая кожа. Черты лица изящно-аристократические, с четкими линиями. Но в этих совершенных чертах не было жизни, лишь усталое, почти скучающее выражение. Его глаза цвета выдержанного виски скользнули по мне с вежливым, но абсолютным безразличием.

С его внешностью, деньгами, положением... Такие мужчины не покупают женщин – женщины сами падают к их ногам, умоляя о внимании.

– Мы уходим.

Всего два слова. Его голос ровный и пугающе спокойный, вызывающий мурашки по коже.

Пьер не отпускал мою руку, его пальцы впились в кожу сильнее, так что наверняка останутся синяки.

– Ох, прошу, не расстраивайте меня, Рафаэль! Вы ведь не против, что я к вам так обратился? – он сделал паузу, демонстративно оглядывая зал. – Какой же банкет без главного покупателя? Мы подготовили столь изысканный ужин... И вашу куколку доставят в идеальном состоянии куда необходимо, вам даже пальцем не придется пошевелить.

Рафаэль не шелохнулся, сохраняя спокойствие.

– *Preferirei non perdere altro tempo, serpente.*

Даже я, практически не знавшая итальянского, поняла, что он сказал что-то неприятное.

– Увы, – продолжил он уже на знакомом мне языке, с едва заметным акцентом. – У меня нет на это времени. Нам пора.

Пальцы Пьера разжались неестественно медленно, будто против собственной воли. Когда он отпустил мою руку, я заметила на коже красные следы.

– Ах, как трогательно видеть в вас черты отца, мистер де Сильва, – он отступил на шаг. – Та же стремительность. Правда, он хотя бы дождался десерта. Но кто я такой, чтобы учить вашу семью терпению.

Слова прозвучали прилично, но, кажется, Пьер нащупал какую-то болезненную точку. В глазах Рафаэля мгновенно вспыхнул гнев.

Когда он заговорил, голос был ледяным:

– Передайте документы моему человеку. Больше я повторять не намерен, мы уходим.

Рафаэль повернулся спиной к Пьеру. Жест настолько оскорбительный в их кругах, что несколько гостей непроизвольно ахнули.

Непокорная прядь темных волос упала ему на лоб, когда он наклонился ко мне. Маленькая небрежность, контрастирующая с его безупречным образом. Он не стал убирать ее сразу, пальцы отбросили волосы назад лишь потом, когда он накинул на мои плечи свой пиджак.

Кашемир, сохранивший тепло его тела, обволок меня кедровым ароматом с теплыми переливами чего-то пряного. Я вцепилась в полы пиджака, пытаюсь скрыть под ним излишнюю откровенность платья. Этот жест... Была ли это галантность, присущая его воспитанию? Или безмолвное заявление о праве собственности?

Рафаэль окинул зал бесстрастным взглядом, взглядом хозяина, не допускающим возражений. Даже Пьер отступил в сторону, но я успела заметить, как его верхняя губа чуть дрогнула, на миг обнажив белоснежный клык. Мгновенный оскал, тут же сглаженный в почтительной улыбке.

– До встречи, – бросил Рафаэль через плечо.

Он с неожиданной осторожностью взял меня под руку. Его прикосновение оказалось теплым.

– Идти сможешь? – спросил он тихо, так что только я могла слышать. – Ты, кажется, не двигалась весь вечер.

Я не ответила, лишь слабо кивнула, сама неуверенная в этом. Меня не покидало ощущение тошноты. Всё вокруг ощущалось таким странным и неустойчивым. Мои пальцы вцепились в его руку в поисках дополнительной опоры.

Мы двинулись вперед. Каждый мой шаг отдавался глухим стуком в висках. Ноги покалывало, словно тысячи игл впивались в онемевшие мышцы. Я шла, почти не осознавая своих движений, будто наблюдая за собой со стороны. Тело работало автоматически. Ноги сами подстраивались под его широкий шаг, спина оставалась прямой, подбородок приподнятым.

Плечи назад, голову выше, улыбка. В голове звучал голос наставницы, мадам Бушер.

Гости расступались, пропуская нас. Все взгляды были прикованы к Рафаэлю, одни выражали подобострастное уважение. Другие – плохо скрываемую зависть. Лишь один мужчина, стоявший чуть в стороне, выделялся из общей массы. Его пальцы крепко сжимали ножку бокала. Он наблюдал за мной так пристально, что мне стало не по себе. Я поспешно отвернулась.

У резных дверей, украшенных позолоченными узорами, стояли два охранника. Рафаэль даже не повернул голову в их сторону. Он лишь слегка сузил глаза, и они тут же распахнули тяжелые двери перед нами.

Ночной воздух обжигал легкие, опьяняя разум. Я вдыхала жадно, с закрытыми глазами, пока городские огни танцевали у меня под веками. Эти огни... Они были такими же яркими, как в тот день, когда десятилетнюю меня впервые вывезли на экскурсию. Тогда я случайно отбилась от группы, потерявшись в незнакомых улицах. Это воспоминание оставалось одним из самых светлых, ведь тогда я чувствовала себя по-настоящему свободной. Впервые в жизни. Я бродила по улицам, рассматривая витрины, лица прохожих, архитектуру. Старалась сохранить в памяти каждую мелкую деталь. Даже последующее наказание не смогло затмить того чувства.

Воспоминание рассыпалось, когда черный лимузин подкатил к тротуару.

Рафаэль отпустил мою руку и открыл дверцу автомобиля.

– Садись.

Я вжалась в сиденье, обитое мягчайшей кожей, и вдруг осознала, как сильно дрожат мои колени, а ладони стали ледяными и влажными. Чувство тошноты усилилось.

Меня купили. Эта мысль ударила с неожиданной ясностью. Не освободили. Не спасли. Приобрели.

Рафаэль сел рядом, заполнив пространство своим присутствием. Дверь закрылась с тихим щелчком, похожим на звук захлопывающейся клетки.

– Как тебя зовут? – он обратился ко мне, когда машина уже тронулась с места.

Усилием воли я заставила губы раскрыться для ответа:

– Лилиан... Лили.

Он повторил мое имя вслух, растягивая слоги. В его устах оно звучало одновременно и ласково, и унизительно, как кличка собаки, которой еще предстоит выучить команды.

– Ли-ли, ты всегда такая бледная? – его взгляд скользнул по моему лицу.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

– Наверное, – голос звучал так странно. Словно это говорила не я, а кто-то другой использовал мои голосовые связи.

Рафаэль на мгновение замер, его брови слегка сдвинулись, затем резко повернулся к водителю.

– Марко, открой окно, – акцент в его голосе стал более явным. – И вызови доктора Бенетти.

Края моего зрения начали темнеть. Мир вокруг потерял четкие очертания, расплываясь. Я смутно осознавала, что дышу слишком часто, но не могла остановиться, легкие отказывались наполняться воздухом.

– *Santo cielo*, – его голос пробился сквозь звон в ушах. – *Che diavolo...* Что с тобой?!

Я попыталась сфокусироваться на его лице, но видела лишь размытое пятно. Гул в ушах нарастал, превращаясь в оглушительный звон. Пальцы сами собой вцепились в кожу сиденья, но ощущались чужими, деревянными и непослушными.

Последнее, что я почувствовала, – как его руки обхватили мои плечи.

Воспоминания нахлынули внезапно, сметая последние заслоны: мне семь лет, я прячусь в темном чулане, сжимая в руках украденную мятную конфету. Дверь со скрипом распахивается, и полоса яркого света разрезает полумрак моего укрытия.

– *Смотрите! Вот она – благодарность уличного отродья!*

Голос Пьера звучит с той особой, леденящей душу интонацией, которую я боялась больше всего. Его пальцы впиваются в мою тонкую ручонку, вырывая меня из темноты на всеобщее обозрение. Боль стреляет по руке, но я стискиваю зубы, продолжая крепко сжимать конфету.

Он трясет меня перед другими девочками, как тряпку.

Глаза детей, десятки глаз, смотрят на меня. Одни широко раскрыты от страха, другие узкие, злорадные. Кто-то хихикает, прикрывая рот ладонью. Я чувствую, как горячая волна стыда поднимается от шеи к щекам.

– *Неблагодарная тварь!*

– *Я не сломаюсь, – шепчу я.*

Темнота накрывает меня мягкой волной, унося в забытье.

Ошибаешься.

Глава 2 "Любопытство убило кошку"

Я очнулась от жгучей боли в локтевом сгибе. В висках пульсировало, а в горле стоял привкус меди и чего-то химического. Попыталась открыть глаза, но веки будто налились свинцом. Попытка пошевелить рукой вызвала волну тошноты, заставив меня сглотнуть горькую слюну и стиснуть зубы, чтобы не застонать.

Воздух был пропитан едким запахом спирта и каких-то лекарств – тот особый больничный аромат, от которого першило в горле и щипало в носу. Где-то на грани сознания, сквозь густой туман в голове, я ловила обрывки фраз.

– *Нейротоксический эффект доза недостаточна для кажется, приходит в себя*

Голос звучал приглушенно, пока внезапно не прозвучал четко и близко, прямо над моим ухом:

– Тише, не дергайся, – мужской голос звучал профессионально-спокойно, но в нем читалась усталость человека, который слишком долго не спал. – Ты выдернешь катетер, а мне потом придется искать вену заново.

Его пальцы прижали мою руку к постели, как только мне удалось слегка ее приподнять.

Усилив воли, преодолевая свинцовую тяжесть век, мне удалось разлепить глаза. Вокруг царил мягкий полумрак, лишь приглушенный свет круглого ночника отбрасывал желтые блики на стены незнакомой спальни. Тени странно дрожали на обоях.

Рядом с кроватью, склонившись над медицинской стойкой с капельницей, возился мужчина лет тридцати. Совсем не похожий на докторов, которых мне доводилось видеть раньше. Его помятая хлопковая рубашка в рыжую клетку, явно не первой свежести, была закатана до локтей, обнажая крепкие предплечья.

Он что-то бормотал себе под нос, ворочая пробирками. В свете ночника я могла рассмотреть его профиль: резкие скулы, выступающий нос с легкой горбинкой, небрежно собранные в хвост темные волосы с рыжеватыми прядями. Когда он повернулся, я заметила, что одна бровь у него была слегка приподнята в вечном выражении скептицизма, а под глазами лежали фиолетовые тени хронического недосыпа.

– О, наконец-то, – он щелкнул пальцами перед моим лицом, но не резко, а скорее как бы проверяя реакцию. – Привет, спящая красавица. Как самочувствие? Готова к полету?

– Где – моя попытка заговорить обернулась приступом кашля.

– Ой-ой, не дергайся, солнышко, – он покачал головой, склонившись над капельницей, и постучал пальцем по пластиковой трубке. – Ты пока что не в форме для цирковых трюков. Хотя – он оглядел меня с преувеличенной критичностью. – С твоими данными, тебе бы в воздушные гимнастики. Но сначала давай доведем до ума этот восхитительный номер с "лежанием неподвижно".

Я упрямо попыталась подняться на локтях, но комната тут же завертелась перед глазами, превратившись в калейдоскоп размытых пятен. Виски сжало стальным обручем, и я рухнула обратно на подушки, прикрыв глаза.

– Ну все, официально объявляю, ты – худшая пациентка дня, – он громко вздохнул. – Для справки, ты в доме Рафаэля де Сильва. А я – твой скромный ангел-хранитель, доктор Вальтер Бенетти, – он снова щелкнул пальцами перед моим лицом. – Хотя, учитывая цвет твоего лица, больше похоже, что тебя опять тянет в объятия Морфея. Ты вообще меня слышишь или я впустую трачу свое обаяние? Снова отключилась?

– Врачи – я с трудом выдавила из себя слова, чувствуя, как дрожат губы. – ...врут. Говорят «не больно», а потом

– А потом режут, колот и зашивают, – закончил он за меня. – Но сегодня ты попала к доброму доктору, пока что.

Поморщившись, когда боль в голове стихла, я снова смогла открыть глаза.

– Что это?

Он наклонился немного ближе ко мне. От него пахло кофе.

– Любопытство убило кошку, но кто-то же должен был узнать, что там в той коробке. Может, золото? Может, секрет вечной молодости? – Вальтер подмигнул. – Я всего лишь вымываю из тебя всю ту дрянь, которую кто-то тебе любезно подсунул. Хотя если продолжишь дергаться, мне придется сменить тактику. Как насчет укольчика для послушания?

Он достал из аптечки большой шприц и ловко повертел его между пальцами, как фокусник, играющий с картами, а затем положил его на прикроватную тумбочку.

– Выбор за тобой, – Вальтер улыбнулся, демонстрируя ямочку на щеке, которая делала его похожим на озорного мальчишку. – Либо ты лежишь смиренно, как полагается хорошей пациентке, либо мне придется позвать Рафаэля. И поверь, – он понизил голос до заговорщического шепота, – этот человек напрочь лишен чувства юмора, в отличие от меня.

Вальтер отодвинул стойку с капельницей и опустился на край кровати, его вес заставил матрас слегка прогнуться. Он потянулся к моему запястью, чтобы проверить пульс, и продолжил говорить:

– Так что давай без экстрима, а? Я обещаю быть нежным. Ну почти

Что-то щелкнуло внутри. Тот самый звериный инстинкт? Похоже, что адреналин ударил мне в голову. Прежде чем я успела подумать и осознать, тело уже рванулось вперед с глухим рычанием.

Удар лбом пришелся точно в его переносицу. Мир на мгновение вспыхнул болью, смешавшейся со странным, почти сладострастным торжеством. Хруст хрящей под его кожей отозвался во всем теле ликующим эхом. В воздухе повис резкий медный запах крови.

– А-ааргх! – Вальтер отпрянул на несколько шагов назад, как ошпаренный, вцепившись двумя руками в лицо. Но сквозь пальцы уже просачивались алые капли. – Черт возьми! В тебе, оказывается, спала настоящая фурия!

Мгновение замешательства, и мой взгляд упал на шприц, который он так небрежно оставил рядом со мной. Пальцы тут же схватили его. Рука дрожала, но я вытянула ее вперед, направляя острие в его сторону.

– Шаг ближе – и попробуешь собственное лекарство! – мой голос звучал хрипло, но с новой, незнакомой мне ранее твердостью. – Что ты мне вколол? Почему я здесь? Говори!

Вальтер скривился, запрокинув голову, в попытке остановить кровь. Его дыхание стало прерывистым, но, к моему удивлению, он не выглядел испуганным.

– Сильно головой приложилась? – проворчал он, но, несмотря на раздражение в голосе, его глаза быстро скользнули по мне, будто проверяя, не поранилась ли я сама. – Дикарка, тебя кто-то отравил. А я всего лишь простой врач, которого твой покровитель выдернул из теплой постели среди ночи. И знаешь что? – он внезапно усмехнулся, вновь демонстрируя ямочку на щеке. – Теперь я выставлю ему счет в тройном размере. За мою подпорченную красоту.

Он сделал осторожный шаг вперед, но я резко взмахнула шприцом, отползая назад, пока спина не уперлась в изголовье кровати. Холод дерева проступал сквозь тонкую ткань моего платья.

– Я тебе не верю! Зачем кому-то травить меня?! Ответь на вопрос! Что ты мне вколол?

Вальтер резко развернулся к тумбочке, схватил пустые флаконы от лекарств и швырнул их мне в кровать. Пластиковые емкости покатались по одеялу.

– Дикарка, это мой фирменный коктейль, – проворчал он, вытирая кровь с губ тыльной стороной ладони. – Физраствор, витамины и антидот. Не веришь, посмотри упаковку. А кто и чем тебя отравил, еще предстоит выяснить, и заниматься этим буду уже не я, слава богу, – его голос потерял следы иронии, став неожиданно серьезным. – А теперь отдай мне свою игрушку, пока сама себя не поранила.

В этот момент дверь за его спиной распахнулась, и в проеме возникла фигура. Свет из коридора очертил силуэт Рафаэля, отбросив на стену искаженную крупную тень.

– Лилиан? – его голос прозвучал с ледящей душу четкостью. Темные глаза медленно скользнули от моего кулака, сжимающего шприц, к окровавленному лицу Вальтера, оценивая ситуацию.

Вальтер, все еще сжимая нос, повернулся к нему, делая театральный жест свободной рукой:

– Она вся твоя, де Сильва, – его голос звучал насмешливо, несмотря на гнусавость от зажатого носа. Он потянулся к аптечке, достал стерильную салфетку и прижал к переносице, морщась.

Рафаэль всего за несколько шагов приблизился ко мне. Его движения были обманчиво неторопливы. Я не шевелилась, лишь крепче сжала свое импровизированное оружие.

Глаза Рафаэля поймали мой взгляд и не отпускали – мрачные, бездонные. Лишающие воли. В них не было злости или угрозы, только та спокойная, незыблемая уверенность человека, привыкшего, что мир склоняется перед ним по первому требованию.

Он сделал еще один шаг, окончательно сократив дистанцию между нами. Его рука потянулась ко мне ладонью вверх. Жест одновременно повелительный и терпеливый. Будто он давал мне последний шанс проявить благоразумие.

Мгновение – и теплая ладонь накрыла мою руку, пальцы разжались сами по себе. Я судорожно втянула носом воздух и издала нечто похожее на всхлип.

– Умница.

Голос низкий, обволакивающий, проникающий прямо под кожу. Это проклятое слово. Проклятая интонация. В груди вспыхнуло что-то горячее и липкое. Ненавижу это. Ненавижу, как мое тело реагирует на похвалу, как предательски слабеют колени.

Его большой палец скользнул по моему запястью, обжигая кожу. Где-то в глубине сознания щелкнул предохранитель. *Он знает. Видит. Играет с тобой, как кошка с мышкой.*

– Bravo, дрессировщик, – левый глаз Вальтера начал слегка заплывать, но ухмылка не сходила с его лица. – Не знал, что ты умеешь умирять диких зверей.

Рафаэль наконец оторвал взгляд от меня и отошел в сторону, предусмотрительно убрав шприц подальше. Затем повернулся к врачу:

– Что с твоим носом?

Вальтер снял окровавленную салфетку, критически осмотрел ее и швырнул в урну:

– О, ничего серьезного. Просто небольшая разница во взглядах на методы лечения. Она предпочитает более экспрессивные способы общения.

Рафаэль скрестил руки на груди, но в уголке его рта дрогнула едва заметная тень чего-то, что могло бы быть улыбкой.

– Ну, если кратко, она не оценила мое чувство юмора. Если подробнее – решила проверить прочность моих хрящей лбом. И знаешь что? – он вдруг оживился. – Она чертовски меткая! Прямо в яблочко.

Я сжала кулаки, чувствуя, как по щекам разливается жар. Вальтер заметил это и поспешно добавил:

– Спокойно, тигрица, это комплимент. Так рассчитать силу удара в полуобморочном состоянии!

Рафаэль вздохнул, проводя рукой по лицу:

– Бенетти, неужели нельзя было вести себя более профессионально?

– О, простите, забыл, что у вас тут строгий дресс-код для спасения жизней, – Вальтер сделал преувеличенно серьезное лицо. Затем он обратил внимание на меня. – Что ж, наше лечение подошло к завершению. Капельница закончилась.

Вальтер с профессиональной ловкостью извлек катетер из моей вены, прижав спиртовую салфетку к месту укола. Наклонившись ко мне, он шепнул достаточно громко, чтобы Рафаэль точно услышал:

– А я предупреждал тебя, что де Сильва – зануда. Ни капли чувства юмора.

Он осмотрел мои зрачки, держась при этом на расстоянии, затем надавил двумя пальцами на запястье, считая пульс.

– Ну что, дикарка, как самочувствие? Голова не кружится? Не тошнит?

Неожиданно из моей груди вырвался нервный смешок. Хриплый, надломленный, больше похожий на кашель. Я тут же закусила губу, но было уже поздно.

– Вводы, – с трудом выдавила я, чувствуя, как пересохшее горло сжимается спазмом.

Рафаэль молча развернулся и вышел, его шаги растворились в коридоре. Вальтер тем временем деловито прибирал за собой.

– Ну что, дикарка, теперь мы квиты? Или тебе что-то еще от меня нужно? Может, ухо отгрызть для полного комплекта? – он провел языком по передним зубам, проверяя, не шатаются ли они, затем серьезным тоном добавил: – Если почувствуешь тошноту или какое-то недомогание, сразу скажи.

Я не успела ему ответить, как Рафаэль вернулся, неся в одной руке стакан с водой, в другой льняную салфетку со льдом. Без слов он протянул оба предмета Вальтеру.

– О, спасибо, но нет, – врач выхватил лишь холодный компресс, тут же приложив его к своему носу, и тут же отстранился с преувеличенной осторожностью. – Я к нашей фурии сегодня больше не подойду без каски и бронежилета. Протокол безопасности.

Рафаэль даже не удостоил его ответом. Он приблизился ко мне, одной рукой придерживая меня за плечи, помогая приподняться. Другой рукой поднес стакан к моим потрескавшимся губам. Вода оказалась чуть теплой, но при этом достаточно освежающей, именно так, как нужно моему иссохшему горлу.

– Не торопись, маленькими глотками, – его голос звучал тихо, но с той же неоспоримой интонацией.

У меня совсем не осталось сил, чтобы сопротивляться, поэтому я послушно кивнула. Мои пальцы непроизвольно потянулись к стакану. Он позволил мне прикоснуться к стеклу, но не убрал свою руку, страхуя каждый мой глоток.

– На самом деле, я надеялся, что ему ты тоже сломаешь нос, – вмешался Вальтер, наблюдавший за нами с явным любопытством. – Для справедливости, так сказать. Ну или хотя бы стакан в него швырнешь, – он вздохнул с преувеличенным разочарованием. – Но нет, как только он появляется, ты сразу вся в шелках и послушании. Дискриминация какая-то.

Рафаэль, убирая опустевший стакан на тумбу, ответил с ледяным спокойствием:

– Бенетти, если ты не прекратишь, я лично добыю твой нос. Для справедливости, так сказать.

– О, простите, синьор. Я забыл, что в вашем присутствии полагается стоять по стойке смирно и молчать в тряпочку, – он поклонился в театральном жесте. – Кстати, оплата в тройном размере, в качестве компенсации.

– Ты получишь свои деньги. И чек на новую челюсть, продолжай в том же темпе.

Вальтер приложил руку к груди с преувеличенной ранимостью:

– Ой, какие мы сегодня колючие, – он накинул на плечо сумку с медикаментами, снял тормоза с колес стойки для капельницы и покатил ее к выходу. – Результаты анализов будут готовы завтра. Если дикарка вдруг начнет светиться в темноте или отращивать голову – звони сразу. Лучше не мне. Экзорцисту.

Мысли путались. Часть меня хотела швырнуть ему вслед подушку, другая часть смущенно признавала, что его дурацкие шутки успокаивали и как-то разряжали обстановку. Я

уже почти успела забыть, что Рафаэль выкупил меня на аукционе. Перспектива остаться с ним один на один – пугает.

– Вальтер, – одно слово Рафаэля прозвучало как хлопок бича.

– Да-да, уже уйду! – Он уже потянулся свободной рукой к дверной ручке. – Кстати, дикарка, ты должна мне свидание! – он вдруг оживился, обращаясь ко мне. – Ужин при свечах в качестве извинений, я даже галстук надену. Хотя если ты будешь светиться в темноте свечи не пригодятся.

Рафаэль сделал шаг в его сторону, и Вальтер моментально исчез за дверью, оставив после себя лишь эхо смеха.

В комнате воцарилась тишина. Рафаэль медленно подошел к окну, оперся руками о подоконник. Его профиль четко вырисовывался в холодном свете уличных фонарей. Резкие линии скул, напряженная челюсть, тень от густых ресниц, падающая на щеки.

– Он всегда такой? – хрипло спросила я, пытаюсь избавиться от тишины.

– Хуже, – Рафаэль медленно выдохнул. – Но за маской шута прячется профессионал своего дела. Лучший врач, которого я когда-либо знал.

Я кивнула, чувствуя, как накатывает новая волна усталости. Глаза сами собой закрывались, но страх перед неизвестностью заставлял цепляться за сознание.

– Извините за доставленные вам неудобства.

Он повернулся ко мне лицом и поморщился.

– Не обращай ко мне на «вы».

– Конечно, как скажете – я прочистила горло. – скажешь. Запомню.

Между нами вновь повисла тишина, которая ощущалась слишком напряженной.

– Ты голодна? Когда ты последний раз ела?

Упоминание еды лишь вызвало приступ тошноты, во рту появился горьковатый привкус.

– Спасибо, мне не хочется есть.

– Тогда отдыхай, тебе нужно поспать, – он развернулся и направился к двери.

Я прикусила губу. Он собирался уйти? Оставить меня здесь одну с кучей вопросов? Я приподнялась на локтях.

– Меня действительно могли попытаться отравить? Не понимаю, кому это могло понадобиться? – мой голос дрожал, но я продолжила. – И зачем ты

Он резко поднял руку, обрывая меня на полуслове.

– Не сейчас, Лириан. Обсудим все завтра. Сейчас тебе нужен отдых.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как дрожь пробегает по спине. Но мой переполненный мочевой пузырь вдруг настойчиво решил напомнить о себе. Последствие капельницы.

– Извини, но можно еще один вопрос? – после того, как он кивнул, я продолжила: – Где здесь уборная? Мне нужно

Он молча указал на дверь слева от кровати.

Крепко держась за спинку кровати, я поднялась на ноги. Кровь ударила в виски. Я зажмурилась, чувствуя, как подкашиваются колени.

Я услышала, как Рафаэль сделал поспешный шаг, но тут же замер.

– Тебе нужна помощь?

Несколько секунд я стояла, приходя в чувство. Шаг. Еще шаг. Пальцы впивались в шероховатую поверхность обоев. Дыхание стало частым и поверхностным – будто я поднималась по горной тропе, а не пересекала комнату.

– Все в порядке.

Последнее, чего бы я хотела, – чтобы он увидел меня в еще более унижительном положении. Рафаэль не уходил. Я чувствовала его взгляд у себя за спиной.

Казалось, целая вечность прошла, пока я добралась до двери. Пальцы дрожали, так что я с трудом нащупала выключатель. Яркий свет заставил зажмуриться.

– Если хочешь, можешь принять душ. Я найду для тебя одежду.
Послышался звук захлопнувшейся двери.

Когда глаза привыкли к яркому свету, я смогла рассмотреть ванную комнату. Пол и стены, выложенные темным мрамором с золотистыми прожилками. Огромная душевая кабина с матовым стеклом могла с легкостью вместить в себя нескольких человек. Роскошь в чистом виде.

В огромном зеркале передо мной стояло бледное существо с лихорадочным блеском в глазах. Растрепанные волосы. Черные разводы от туши под глазами. Жемчужное платье – обертка для товара. Мне хотелось содрать его вместе с памятью о сегодняшнем вечере, вместе с памятью о моей прошлой жизни.

Я резко отвернулась, упираясь руками в край раковины. Рывком дернула платье. Раздался характерный треск ткани. Шелк соскользнул вниз. Без тени сожаления я сгребла дорожную ткань и швырнула ее в мусорную корзину под раковиной.

Справив естественную нужду, я шагнула в душевую кабину. С опаской повернула кран. Теплая вода мгновенно хлынула из смесителя, заставив меня невольно ахнуть. В приюте мы мылись лишь в холодной воде, кроме редких дней, которые казались праздником. Пьер экономил на всем, чем мог.

Я повернула кран в сторону, сделав воду еще горячее. Пар быстро заполнил кабину. На полочке нашелся гель для душа и шампунь в темных флаконах с лаконичными этикетками. Когда я открыла крышку, воздух наполнился ароматом, напоминающим зимний лес, пропитанный запахом кедровой коры и хвои. Тот самый запах, что витал вокруг Рафаэля.

Руки терли кожу, пока тело не стало алым от усилий. Но ощущение невидимой грязи не исчезало. В какой-то момент из горла вырвался сдавленный крик – бессильная ярость к самой себе, к своему телу.

Резкий стук в дверцу душевой кабины заставил меня вздрогнуть.

– Лилиан, с тобой все в порядке? – голос Рафаэля звучал приглушенно сквозь стекло и шум воды.

Я поспешила выключить воду, внезапно осознав, как долго простояла под душем. Кожа на пальцах уже сморщилась от воды.

– Да, сейчас выйду.

Возникла пауза. Слишком длительная. Я невольно прикрыла грудь руками, хоть стекло и не было прозрачным.

– Подожди, – он произнес это странно растерянно. – Я принес тебе одежду. Оставлю здесь.

Послышались шаги, затем скрип двери.

На тумбе я нашла аккуратно сложенное полотенце. Огромное, мягкое и пушистое, впитывающее влагу мгновенно. Рядом лежала стопка одежды: просторный свитер из мягкого кашемира и спортивные брюки. Все благородных темных оттенков. Явно мужское и пахнущее им.

Я прижала свитер к лицу, вдыхая этот запах. Затем резко опустила руки. Нет.

Одежда оказалась мне на несколько размеров больше. Рукава свитера свисали ниже кончиков пальцев, даже после того, как я их подвернула. Брюки упорно соскальзывали с бедер, несмотря на туго затянутый шнурок. Нижнего белья, конечно, не было. Впрочем, я и не надеялась. На аукцион меня и вовсе отправили без ничего под платьем, чтобы случайные складки под платьем не испортили товарный вид.

Прежде чем выйти из комнаты, я бросила взгляд на свое отражение в зеркале. Никакой идеальной куклы. Только лишь изможденная девушка в чужой, мешковатой одежде. И странное дело, это казалось освобождением.

Сделав глубокий вдох, я приоткрыла дверь. В спальне царил полумрак. Лунный свет рисовал серебристые узоры на полу. Рафаэль сидел на краю кровати. Когда открылась дверь, его плечи едва заметно напряглись, но он продолжил смотреть в окно, не оборачиваясь.

– У меня нет женской одежды, – его голос прозвучал сухо. – Завтра Марко привезет для тебя что-нибудь подходящее.

Я шагнула к кровати, придерживая руками край брюк, не давая им сползти с меня.

В последний момент я не выдержала:

– Ты уходишь? Не останешься?

Я не была наивной. Успела уяснить в академии, что таких, как я, покупают не для бесед о погоде.

Он замер, затем медленно повернулся.

– Ты хочешь, чтобы я остался? – в его голосе послышались металлические нотки. Он сделал шаг вперед, и я инстинктивно отступила. – Не лги. Не унижай себя.

Мои щеки вспыхнули. Я открыла рот, но слова застряли в горле.

– Лилиан, я не из тех мужчин, кто платит женщинам за секс, – он произнес это четко, разделяя каждое слово. – Знаю, тебя учили всяким фокусам с мужчинами, но на мне это испытывать не нужно. Я не собираюсь брать тебя.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это было... неестественно. Неправильно. В моем мире за каждую услугу требовали расплату – деньгами, услугами, телом.

– Но – начала я, все еще не веря.

– Договорились.

Он вышел из комнаты, явно не желая продолжать разговор со мной.

Когда дверь закрылась, я медленно опустилась на кровать, вдруг осознавая всю глубину усталости. Я осталась одна в чужой одежде, в чужом доме, с чужими правилами. В полном неведении, что ему от меня понадобится. Если не тело, то зачем тогда я ему понадобилась? Разум рисовал самые страшные картины.

В мире, где я выросла, ничего не давали просто так. Значит, расплата будет позже.

Глава 3 "Выбор без выбора"

Я замерла у плотно закрытой двери, чувствуя, как ногти болезненно впиваются в ладони. Нужно просто постучать, поздороваться. Задать те вопросы, что жгли изнутри с момента пробуждения. Не съест же он меня. Но кулак, уже занесенный для стука, разжался сам по себе. Глубокий вдох. Еще один. Воздух словно не доходил до легких. Не помогло. Трусиха. Не знаю, сколько я проспала, но по ощущениям прошла целая вечность. Когда проснулась, на прикроватной тумбочке обнаружила лаконичное послание: лист кремовой бумаги, такой изысканной и дорогой, что использовать её для записки казалось кощунством. Четкий, почти каллиграфический почерк гласил: «Зайди в мой кабинет. Дверь в конце восточного коридора». Ни подписи, ни лишних слов. Лишь сухой приказ. Рядом лежала прямоугольная коробочка из темного матового картона с тисненым логотипом в виде замысловатого переплетения золотистых букв. Внутри оказалось платье цвета утреннего неба из тяжелого, холодного на ощупь шелка. Высокая горловина и длинные рукава скрывали все, что мне хотелось бы скрыть. Но тонкая драпировка на талии и небольшой разрез сбоку коварно придавали строгому силуэту женственность. К моему облегчению, в коробочке также лежали комплект белья и пара лодочек на низком каблучке. То, как все идеально подошло мне по размеру, меня не удивило. Мои мерки, вероятно, красовались в личном деле, как товарная спецификация, идущая со мной в комплекте. Я намеренно задерживалась, разглаживая и без того идеальный подол, пока страх перед неизвестностью не сменился жгучим стыдом за собственную нерешительность. Три отрывистых удара костяшками о твердое дерево прозвучали неестественно громко в гулкой тишине пустого коридора. – Войди, – почти мгновенно ответил Рафаэль, будто он стоял по ту сторону и прислушивался к моим колебаниям. Будто уже давно заметил, что я стою в нерешительности. Дверь открылась беззвучно, податливо уходя под руку. Кабинет встретил меня прохладой и практически стерильным порядком. Высокие потолки. Мебель из темного, почти черного, полированного дерева с матовой стальной фурнитурой. Книжные шкафы вдоль стен, ровные, безликие шеренги одинаковых переплетов. У огромного окна, залитого солнечными лучами, стоял низкий кожаный диван и два строгих кресла. Ни картин, ни фотографий, ни безделушек. Только необходимый минимум, выверенный до миллиметра, и властная тишина, нарушаемая лишь тиканьем невидимых часов. Рафаэль сидел за массивным, отполированным до зеркального блеска столом. Он не поднял головы при моем входе. Его пальцы плавно переворачивали страницы толстой папки. – Доброе утро, – бросил он, затем поднял руку, взглянув на наручные часы. – Вернее сказать, день. – Добрый день. Я так долго спала? Не дожидаясь приглашения, я прошла вглубь комнаты и опустилась на край дивана, невольно выпрямляя спину. Он молчал. Недостаточно громко спросила? Тишина стусилась, тяжелая и давящая. Только мерный шелест бумаги под его пальцами. Я уперлась взглядом в пол, пытаюсь разглядеть какой-то рисунок на паркете, но периферией ловила каждое его движение, каждый микрожест. Наконец, он закрыл папку и аккуратно отложил ее в сторону. От моего внимания не укрылся золотистый герб на обложке из багровой кожи. Рука в элегантной перчатке, опускающая жемчужину в золотую оправу. Три слова латинской вязью под ними. Мне не нужно их видеть, я знала их наизусть. Puritas. Obedientia. Elegantia. Чистота. Повиновение. Изящество. Знакомо до тошноты. Эта папка из академии Пьера. Только тогда он медленно развернул кресло в мою сторону и поднял глаза на меня, будто только сейчас заметил мое присутствие. Скользнул по мне быстрым, оценивающим взглядом. Без одобрения. Без порицания. Холодно и отстраненно. – Тебе к лицу голубой цвет, – наконец заговорил он. – Прошло около суток. Как ты себя чувствуешь? – Лучше, – ответила я автоматически, тут же закусив губу. Спасибо, что спросили – вертелось на языке, но слова застряли в горле. Вместо этого я спросила: – Вальтер сказал, меня отравили. Это правда? Его пальцы замерли на краю стола. Всего на секунду, но я успела

заметить.— Ты задаешь не те вопросы, Лилиан.— Тогда какие вопросы мне задавать? — голос дрогнул, выдавая напряжение. Не дерзи. Не провоцируй. Но язык уже выносил наружу то, что грызло изнутри. — Кто? Зачем? Или это тоже «не те» вопросы? Рафаэль откинулся в кресле, скрестив руки. Солнечный луч скользнул по его скулам, высветив тонкую сетку морщинок у глаз.— Действительно хочешь знать? — спросил он мягко, слишком мягко. — Быть может, ты думаешь, что я подстроил твоё отравление? Не доверяешь мне? — Не доверяю. Идиотка. Замолчи. Он хмыкнул, кажется почти улыбнулся одним уголком рта. Затем встал с места, подошел к мини-холодильнику, взяв оттуда стеклянную бутылку с водой. Налил в стакан и медленно отпил.— Ты не представляешь ценности для посторонних, — наконец произнес он, ставя стакан на резную подставку. — Значит, яд предназначался не тебе. Ты просто оказалась на пути. Ложь. Это мелькнуло в голове прежде, чем я успела подумать. Слишком гладко. Слишком... удобно.— Зачем тогда ты купил меня? — Ты предпочла бы оказаться у кого-то другого? — Я предпочла бы знать правила игры, которую ты ведешь. В его взгляде мелькнуло что-то слишком быстрое, чтобы понять. Одобрение или раздражение? Он провел ладонью по подбородку, где легкая щетина подчеркивала жесткость линии челюсти.— Это всего лишь инвестиция.— Во что? — В справедливость, — он подошел ближе, остановившись всего в нескольких шагах от меня, но при этом возвышаясь надо мной. — Я не покупал тебя, Лилиан. Я выкупил твой контракт. Разница принципиальна. Мои губы сами собой искривились в безрадостной ухмылке.— Хочешь сказать, что заплатил пятьдесят миллионов из альтруизма? — Если бы я раскидывался такими суммами, давно бы обеднел. Это не альтруизм, я же сказал, инвестиция.— При всем уважении, — я намеренно сделала паузу, давая словам повиснуть в воздухе ироничным эхом. — Вряд ли я помогу приумножить эту сумму.— Ты недооцениваешь себя. Пятьдесят миллионов — не твоя цена. Это цена головы Пьера Вайта. А ты ключ к сейфу. Я сжимала руки в замок на коленях, чтобы скрыть дрожь.— Я не понимаю. Рафаэль вздохнул, как взрослый перед капризным ребенком.— И не должна, тебе не нужно ничего делать, Лилиан. Мне нужен был лишь твой контракт. Он сделал шаг ближе и продолжил: — Удерживать тебя против воли я не намерен. Твоим телом пользоваться не собираюсь. Еще шаг. Расстояние между нами стало опасно близким в противовес его словам.— Так что ты свободна. Можешь уйти прямо сейчас. Воздух застрял в легких. Тело оцепенело.— То есть ты отпускаешь меня? Его рука описала в воздухе дугу, указывая на выход.— Дверь открыта. Мысль ударила с болезненной ясностью. Куда..? — Только вот — его голос прозвучал более участливо, почти ласково. — У тебя есть семья? Друзья? Куда ты пойдешь? Он будто читал мои мысли. Видел, как мои пальцы беспомощно сжимаются в кулаки, как взгляд опускается в пол.— Если тебе нужна крыша над головой, мой дом к твоим услугам. Можешь оставаться, сколько потребуется. Пока не решишь, что делать дальше. Холодок пробежал по спине.— Что тебе нужно взамен? — Не веришь в человеческую доброту? — Не верю, — не задумываясь, ответила я. — Ты собираешься как-то использовать меня против Пьера? Как? Почему? — Мои мотивы и планы тебя не касаются. Для ясности, если назвать происходящее шахматной партией, буду честен, в этой игре ты — пешка. Я вскочила с места, яростно качая головой.— Хватит говорить загадками! — голос сорвался на крик. — Сначала ты говоришь, что я ключ! Потом пешка! Что тебе нужно от меня?! — Лилиан, — он говорил медленно и спокойно. — Я не солгал насчет твоей свободы. Ты действительно можешь уйти. Сейчас. В эту минуту. В любой момент, если пожелаешь остаться. Его плечи слегка приподнялись, когда он пожал ими.— Лично от тебя мне ничего не нужно. Любая из твоих подруг могла оказаться на твоём месте. Просто случайность.— Но почему — голос дрогнул. — почему ты купил именно меня? В тот момент, когда я произнесла эти слова, что-то изменилось в его глазах. Темные зрачки сузились, веки чуть опустились. Внезапно он уже был передо мной, заставив отпрянуть к книжному шкафу. Его ладонь легла на полку рядом с моей головой с глухим стуком. Я оказалась зажата между его телом и холодными деревянными полками.— Хочешь красивую ложь? — его шепот обжег кожу, горячее дыхание коснулось щеки. Шершавый палец приподнял мой под-

бородок, заставляя смотреть в эти бездонные глаза. – Могу сказать, что твои глаза Он намеренно замедлил речь, наслаждаясь моментом. – ...напомнили мне первую любовь. – палец ласково скользнул по линии челюсти. – Что увидел в тебе родственную душу. Я выставила ладонь в беспомощном жесте между нами. Но оттолкнуть его не получилось. Пальцы лишь прижались к его груди, ощущая под тонкой тканью рубашки жар тела и ровный, спокойный ритм сердца. Такой контраст с моим бешено колотящимся сердцем. Он наклонился еще ближе, губы почти коснулись уха, когда он прошептал: – Но мы оба знаем, что в нашем мире любовь покупают дешевле. Взгляд скользнул к его губам. Часть меня жаждала увидеть, смягчатся ли эти жесткие линии, если Я встряхнула головой, прикусив внутреннюю поверхность щеки. Рафаэль выпрямился и отступил, оставив меня дрожать у шкафа, с пересохшим ртом и путаницей в голове. – Я отвечу на этот вопрос. Ты выглядела слабее остальных. Слишком хрупкой – Он сделал едва заметную паузу, его взгляд на миг потерял фокус, будто увидел что-то за пределами этой комнаты. – Не в тех руках ты бы сломалась. Окончательно. В этот момент Рафаэль показался мне почти человеческим. Будто за маской совершенства и отрешенности скрывался кто-то, кто слишком хорошо понимал, что значит быть сломленным. Я невольно выпрямилась, вдруг осознав, как близко подошла к чему-то важному, к какой-то его тайной слабости. Но прежде чем я успела что-то сказать, он уже снова был передо мной. Отстраненный, идеальный, непроницаемый. – Так что ты решила? Останешься или уйдешь? Его телефон завибрировал в кармане. Пока он отворачивался, чтобы проверить сообщение, я позволила себе глубокий вдох, первый за весь этот разговор. – Останусь. Как легко сорвалось это слово. Слишком легко. Будто кто-то другой сказал его за меня. Где тот бунт, что горел в груди? Где обещания самой себе никогда больше не подчиняться? Но правда была проста, за этой дверью меня ждет только лишь пустота. Ни прошлого, ни будущего. Я понятия не имею, как устроен этот мир, и сама с ним не справлюсь. Сейчас лишь он, непредсказуемый, опасный, но пока что единственный ориентир в этом новом, чужом мире. Рафаэль поднял глаза от телефона, и на мгновение мне показалось, что он читает мои мысли. Его губы тронуло что-то вроде улыбки – не теплой, но... понимающей? – Я могу помогать с домашними делами, уборкой или – Нет. Для этого есть персонал, – он отрезал резче, чем требовалось, и тут же смягчил интонацию. – Ты здесь не служанка, Лилиан. Тогда кто я? Этот вопрос обжигал меня, но рот отказывался задать его вслух. Слишком много уже было сказано. – В таком случае, у меня есть просьба. Его брови медленно поползли вверх, словно оценивая степень моей наглости. Губы изогнулись в усмешке, но глаза оставались непроницаемо-темными. – И какая же? Деньги? Не дожидаясь ответа, Рафаэль подошел к столу. Я следила, как его длинные пальцы открывают ящик, достают пластиковую карту. Он зажал ее между указательным и средним пальцем, демонстративно повертел на свету. – Марко купит все, что скажешь. – карта легла на полированную поверхность с тихим щелчком. – Или вот. Бери. Лимита хватит даже на собственную квартиру. Если, конечно, ты решишь уйти. Я не потянулась за картой. Пластик блестел, как поставленная на кон фишка в покере. Он что, проверяет меня? – Нет, не в этом дело. Я хочу найти родителей. Хотя бы узнать, кто они и почему... – Я резко сжала кулаки. – почему они бросили меня. Ты сможешь помочь? Наступила тишина. Слишком долгая. Я подняла взгляд и увидела, как его кадык едва заметно дрогнул. Его пальцы едва заметно постукивали по столу, будто он считает что-то про себя. – Попробую, – он произнес это странно отстраненно. – Но ничего не обещаю. – Спасибо, я не знаю, как благодарить тебя! – Зачем тебе это, Лили? – он спросил со странной мягкостью в голосе, почти с сочувствием. – Порой неведение – милосердие. – Я понимаю, но все равно хочу знать правду. Кто они и почему так поступили со мной. Неужели они настолько нуждались в деньгах, что продали меня Пьеру? Или с ними что-то произошло. Знаешь, я устала мучиться в догадках. – Ты их совсем не помнишь? – Нет, – я пожала плечами, стараясь не поддаваться эмоциям. – Помню только академию Пьера. Всю осознанную жизнь я провела там. Он лишь кивнул, затем направился к двери, давая мне понять, что разговор окончен. – Пойдем в столовую, тебе нужно

поеть.Платиновая карта осталась лежать на столе, там, где он ее оставил. Чуть помедлив, я провела по ней пальцем. Не смогла решиться даже взять ее в руки, не то чтобы забрать.Рафаэль уже вышел из комнаты. Когда я догнала его в коридоре, он не обернулся, но слегка замедлил шаг, ровно настолько, чтобы я могла идти рядом.

Глава 4 "Голод"

Особняк оказался просторным и тихим. Широкие коридоры с высокими потолками дышали сдержанной роскошью. Темное полированное дерево стен, матовые латунные светильники, идеальная симметрия линий. Ни картин, ни фотографий. Ничего лишнего и ничего личного.

Рафаэль шел чуть впереди.

– Можешь заходить куда угодно, – его голос прозвучал ровно, без особых интонаций. Он сделал паузу, будто обдумывая что-то, затем добавил: – Пока ты моя гостья, дом полностью в твоём распоряжении.

Я кивнула, не зная, что ответить, и мы продолжили путь. Коридор сделал плавный поворот и мы остановились у широкой двойной двери.

– Здесь столовая, – он придержал дверь, пропуская меня вперед.

Переступив порог, я невольно замерла. Столовая оказалась неожиданно теплой. Дело было не только в солнечном свете, лившемся через огромные незанавешенные окна. После холодной строгости коридоров эта комната дышала домашним уютом. За стеклом простирался ухоженный сад, еще зеленый, но уже с легкой позолотой на листьях. А главное здесь пахло невероятно вкусно свежесваренным кофе и выпечкой.

Рафаэль со скрипом отодвинул тяжелый стул и занял место во главе длинного стола. Я села достаточно далеко, чтобы сохранить дистанцию, но не настолько, чтобы выглядеть невежливой.

Стол ломился от разнообразия. Золотистые круассаны, с хрустящей корочкой, от которых исходил теплый аромат сливочного масла. Слишком идеальные, чтобы быть настоящими, фрукты: персики с бархатистой кожицей, виноград будто покрытый инеем. Странные сыры на мраморной доске. Какие-то с голубой плесенью, другие с желтыми прожилками, третьи с твердой коркой, из которой торчали кристаллы, похожие на соль. Десятки миниатюрных закусок: тончайшие ломтики мяса, обернутые вокруг зеленых стеблей спаржи, канапе с черной икрой, крошечные тарталетки.

Я замороженно смотрела на все это изобилие, чувствуя, как слюна наполняет мой рот, не решаясь попробовать. В академии нас кормили по расписанию, строго отмеренными порциями ровно настолько, чтобы поддерживать *товарный вид*. Часто лишали ужина за небольшие провинности, вроде помятой формы, выбившейся пряди из прически или недостаточно искренней улыбки при виде Пьера.

– Не знал твоих предпочтений, – произнес Рафаэль, наливая кофе в две фарфоровые чашки. – Поэтому приказал приготовить всего понемногу.

Когда он поднялся и приблизился ко мне, тело невольно напряглось. Годы тренировок в ожидании удара или наказания. Но Рафаэль лишь поставил передо мной чашку. Фарфор соприкоснулся с мрамором с тихим стуком. Он даже не прикоснулся ко мне, просто вернулся на свое место.

Желудок неприятно тянуло, напоминая о том, что я слишком давно ничего не ела. Взгляд скользил по изобилию на столе. Больше всего меня привлекала выпечка, я видела как ее едят преподаватели в академии, но мне никогда не доводилось попробовать ее собственноручно.

Мои руки дрожали, когда я решила схватить круассан. Пальцы впились в хрустящую поверхность так крепко, что слоёное тесто начало крошиться еще до того, как я поднесла его ко рту. Первый укус был животным. Зубы со стуком сомкнулись на золотистой корочке. Сладкий сливочный крем взорвался на языке. Непроизвольный стон вырвался из глубины горла. Я глотала, почти не жуя, чувствуя, как царапается горло. Второй укус – еще больше, еще более

жадный. Крошки сыпались на грудь, крем испачкал губы, но меня это не волновало. В голове пульсировала лишь одна мысль: *Быстрее. Пока не отобрали.*

Лишь проглотив последний кусок, я вдруг осознала, что произошло. Я вела себя как дикое животное. Медленно подняла взгляд, боясь увидеть в его глазах то самое знакомое выражение – смесь брезгливости и разочарования.

Но Рафаэль просто наблюдал за мной. Солнечный свет, падающий из окна, золотил его ресницы, делая взгляд мягче. Уголок его рта был едва приподнят.

– Вижу, у тебя хороший аппетит. Вкусно?

Я схватила салфетку и спешно вытерла ей губы, чувствуя как жар стыда поднимается от шеи к щекам.

– Прошу прощения, – мой шепот прозвучал хрипло. Я сжала испачканную салфетку в кулаке, пряча улики своего позора.

Его брови медленно поползли вверх. Я видела как меняется его лицо. Легкая снисходительность в голосе, испарилась без следа, сменившись строгостью.

– За что ты извиняешься, Лилиан?

– Мне не следовало вести себя так неприлично.

Звенящий лязг серебряной вилки, упавшей на тарелку, заставил меня вздрогнуть.

Рафаэль сидел неподвижно, но в этом было что-то зловещее. Казалось, что все мышцы его тела напряглись.

– Dio santo... – прошипел он сквозь зубы, произношение вдруг исказилось густым, хриловатым акцентом. – Тебе запрещали есть?

Каждое слово он произносил с леденящей душу четкостью. Его пальцы вцепились в край стола так, что костяшки побелели.

Старый страх всколыхнулся в груди. Конечно, он злится на меня. Ведь я всегда была причиной, всегда делала что-то не так и всегда заслуживала наказания. Мне хотелось броситься ему в ноги и сказать: *"Простите, это больше не повторится"*, но вместо этого я лишь судорожно кивнула, вжимаясь в спинку стула, как будто могла провалиться сквозь нее.

Рафаэль поднялся с утрашающей плавностью. Он не кричал, не хлопал дверью. Просто вышел, оставив за собой гнетущую тишину. Но этот молчаливый уход был страшнее любой бури.

Где-то в глубине дома раздался глухой удар. Потом серия сдавленных ругательств на итальянском. Слова, значение которых я не понимала. Еще один удар, на этот раз звонкий. Разбилось что-то стеклянное. Потом тишина. Внезапная и неестественная.

Рафаэль вернулся через несколько долгих минут, в течение которых я боялась даже пошевелиться. Он выглядел спокойным, лишь резкая линия сжатой челюсти и чуть расширенные ноздри выдавали недавнюю бурю. Он сел на соседний стул.

– Лилиан, я хочу, чтобы ты забыла все эти чертовы правила, – его голос прозвучал неожиданно мягко. – Больше нет никаких ограничений.

Он перевел взгляд на мои руки, сжатые в кулаки. Я медленно разжала пальцы, наблюдая как на коже появляются красные следы от ногтей.

– Ты злишься я разозлила тебя?

– Non su di te, piccola, – и тут же, словно поймав себя, перевел. – Не на тебя.

Его ладонь осторожно опустилась на мою голову. Пальцы едва коснулись волос, аккуратно приглаживая пряди.

Мое тело отреагировало прежде сознания. Спина выпрямилась, плечи напряглись. Но что-то предательское внутри тянулось к этому прикосновению.

Кажется, что Рафаэль почувствовал это противоречие и остановился. Он не отстранился, но и не продолжил. Дал мне пространство для выбора, где я могла отпрянуть, если бы захотела.

– Я больше не позволю никому – он начал, но прервал себя, изменив формулировку. – Здесь ты в безопасности, Лили.

– Правда? – вырвалось у меня вопреки всем внутренним запретам. Не вопрос, а скорее остаток детской веры, которую еще не успели до конца вытравить.

– Можешь поверить, – он медленно убрал руку. – Но предупреждаю, я имею привычку выполнять обещанное.

Когда он вернулся на свое место, между нами снова возникла безопасная дистанция. Но что-то изменилось – не в его взгляде, а в самом воздухе между нами. И самое странное, что мое израненное сердце, привыкшее не верить никому, почему-то поверило.

– Теперь поешь, пожалуйста.

Он откинулся на спинку стула, наблюдая, как я с настороженностью исследую незнакомые вкусы.

Моя реакция на оливки была мгновенной. Я скривилась, почувствовав их соленую горечь, что заставило Рафаэля усмехнуться. Затем очередь дошла до странного сыра с голубоватыми прожилками, после секундного колебания, я отложила кусочек в сторону, так и не решившись его попробовать. Но когда дело дошло до миниатюрных пирожных, вся моя осторожность испарилась, они исчезали одно за другим.

– Сегодня тебе нужно будет съездить в больницу для осмотра, – произнес он, пока я жевала последний кусочек.

– Мне одн – я поперхнулась, сделала глоток кофе и поморщилась от горечи. – Ты не поедешь со мной?

– Тебя будет сопровождать Марко. После осмотра заедете за покупками. В больнице будет Вальтер.

Я опустила глаза. Вчерашний всплеск ярости теперь казался мне постыдным. Доктор Бенетти всего лишь выполнял свою работу.

– Мне нужно извиниться перед ним, – пробормотала я.

– Не стоит, ничего серьезного с его носом не случилось, – он махнул рукой. – Его уже утешил чек, который я ему отправил.

– Все равно. Это было – я искала подходящее слово. – Несправедливо.

– Как скажешь, – ответил он. – Но если этот плут снова заведет речь про ужин, ты знаешь что делать.

В его голосе не было насмешки, только легкое предупреждение. Я кивнула. Ситуация казалось неловкой, но в то же время поразительно нормальной. Как будто мы обсуждали что-то обыденное, а не последствия моего срыва.

И тут меня осенило, я сижу за столом с человеком, которого совсем не знаю. Он купил меня за безумные деньги, спас от яда, дал кров а я не знаю о нем даже самых простых вещей.

– Можно задать тебе вопрос? – слова вырвались прежде, чем я успела обдумать, что именно хочу узнать.

Он медленно отпил кофе и кивнул.

– Ты уже задала, – заметил он, отставляя чашку в сторону. – Но можешь задать другой.

– Чем ты занимаешься?

Его пальцы начали отбивать ритм по рукаву рубашки.

– Бизнес. Различные направления, – ответил он коротко и добавил. – По большей части легальный.

Любопытство перевешивало осторожность.

– Детали мне знать не стоит?

– Ты сообразительная, Лили, – Рафаэль неожиданно улыбнулся. – Хочешь устроить мне допрос?

Прежде чем я нашлась что ответить, он продолжил, неожиданно раскрывая карты:

– Мне двадцать девять лет. До шестнадцати жил в маленьком портовом городке в Италии, – его взгляд на мгновение стал отсутствующим. – Потом перебрался сюда. Расширять семейное дело.

Он сделал паузу, подняв бровь с преувеличенно заговорщическим выражением:

– Можешь не переживать, – добавил он, явно наслаждаясь моим замешательством. – К мафии отношения не имею. Хотя по местным меркам любой успешный итальянец автоматически под подозрением.

Я застыла с полуоткрытым ртом, не зная как реагировать на эту неожиданную шутку.

– Свободного времени, увы, практически нет. Работа, спорт – его голос вновь приобрел деловую интонацию, но пальцы продолжали барабанить тот же невидимый ритм. – Кстати на втором этаже есть тренажерный зал, если захочешь позаниматься. Внизу бассейн.

Взгляд его скользнул по моим рука, но он быстро отвел его в сторону.

– И нет, – добавил он с нарочитой небрежностью. – Не женат и никогда не был.

Тон был подобран слишком тщательно, чтобы быть случайным. Я почувствовала, как тепло разливается по щекам, и тут же возненавидела себя за эту реакцию. Губы предательски потянулись в улыбку.

– Значит, я теперь единственная женщина в твоей жизни?

Тишина. Он даже перестал стучать пальцами.

– Опасный вопрос, Лилиан, – ответил он сухо. – Нет, не единственная. Но на данный момент, безусловно, самая *дорогая*.

Фраза повисла в воздухе, как напоминанием о моем настоящем месте.

Чем я думала, когда решила задать такой вопрос?

– Что насчет тебя? – он сменил тему. – Какой у тебя план?

– План? – растерянно переспросила я.

– Да. Чем планируешь заниматься? У тебя ведь были какие-то мечты?

Вопрос, казавшийся таким простым, обрушился на меня всей своей невыносимой тяжестью. Мечты? В академии я запомнила, что мечты не позволительная роскошь для таких, как я. Мне пришлось научиться не думать о своих желаниях и чувствах, научиться быть покорной. Я готовилась стать послушной куклой в чужих руках. А теперь, меня спрашивают чего я хочу?

Он не торопил меня, давая мне возможность подумать. Но не собирался отступать, ожидая ответа.

– Для начала, хочу найти работу, чтобы вернуть тебе деньги. Все пятьдесят миллионов.

– Лили, забудь про это. Ты ничего мне не должна.

– Но это же невозможно! – я вскочила, чувствуя, как подкашиваются колени. – Я не могу просто

Мой взгляд скользнул по интерьеру, один лишь антикварный сервант с хрусталем, вероятно, стоил больше, чем я могла заработать за десять лет.

– Хотя бы часть, – прошептала я, уже понимая всю абсурдность своих слов. Мне жизни не хватит, чтобы отдать ему всю сумму.

– Деньги – последнее, о чем тебе стоит сейчас думать. Попробуй для начала просто позволить себе жить. Хотя бы немного.

Он посмотрел на циферблат своих наручных часов, и резко встал. Будто вспомнив, что задержался дольше, чем планировал.

– Мне пора идти. Марко зайдет за тобой через час.

Прежде чем исчезнуть, уже из дверного проема, он добавил:

– Подумай о том, что тебе нравится. Не о долгах. Не о том как следует и как правильно. Чего хочешь именно *ты*?

Дверь закрылась с тихим щелчком, оставив меня наедине с одним из самых страшных вопросов, который мне когда-либо задавали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.